

УДК 81'27:81'373:81'242

DOI <https://doi.org/10.38161/2949-4877-2026-1-14-28>

Нурутдинова Аида Рустамовна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры контрастивной лингвистики,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
AiRNurutdinova@kpfu.ru

ЯЗЫКОВОЙ МЕХАНИЗМ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В «ТЕКСТОВОЙ ПАМЯТИ» КУЛЬТУРЫ: КОГНИТИВНО- СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОМАТИЧЕСКИХ ПАРЕМИЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию того, как универсальная ментальная оппозиция «свое – чужое» объективируется в паремиологическом фонде разных культур через соматическую лексику. Цель работы определить, как язык, выступая носителем «текстовой памяти», кодирует в устойчивых формулах культурные границы и стратегии идентификации. Методология включает компонентный и концептуальный анализ паремий, а также их интерпретацию в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. В результате выделены универсальные и национально-обусловленные модели, посредством которых тело становится источником метафор для выражения принадлежности, отчуждения и оценки. Исследование вносит вклад в понимание роли паремий как ядра культурной памяти, демонстрируя механизм преемственности базовых смыслов в разноструктурных языках.

Ключевые слова: оппозиция «свое – чужое», соматические паремии, когнитивно-сопоставительный анализ, текстовая память культуры, лингвокультурология, разноструктурные языки, концептуализация телесности, паремиологическая картина мира

Aida R. Nurutdinova,
PhD in Pedagogy,
Associate Professor,
Contrastive Linguistics Department,
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan,
AiRNurutdinova@kpfu.ru

LINGUISTIC MECHANISM OF “ONE’S OWN” AND “THE OTHER/ALIEN” IN THE TEXTUAL MEMORY OF CULTURE: A COGNITIVE-CONTRASTIVE ANALYSIS OF SOMATIC PROVERBS IN STRUCTURALLY DIVERSE LANGUAGES

Abstract. The article discusses how the universal mental opposition of “one’s own – the other/alien” is objectified in the paremiological fund of different cultures through somatic vocabulary. The aim of the study is to determine how language, acting as a carrier of “textual memory”, encodes cultural boundaries and identification strategies in stable formulae. The methodology includes componential and conceptual analysis of proverbs, as well as their interpretation within the framework of cognitive

© Нурутдинова А. Р., 2026

linguistics and linguoculturology. As a result, universal and nationally determined models are identified, through which the body becomes a source of metaphors for expressing belonging, alienation, and evaluation. The research contributes to the understanding of the role of proverbs as the core of cultural memory, demonstrating the mechanism of continuity of basic meanings in structurally diverse languages.

Keywords: opposition “one’s own—the other/alien,” somatic proverbs, cognitive-contrastive analysis, textual memory of culture, linguoculturology, structurally diverse languages, conceptualization of corporeality / bodily experience, paremiological picture of the world

Введение

Паремии (пословицы и поговорки) представляют собой концентрированное выражение коллективного опыта, выступая ядром «текстовой памяти» культуры, которая хранит, передает и адаптирует ключевые смыслы для укрепления национальной идентичности [1]. Данный статус делает их центральным объектом изучения того, как культуры осмысляют базовые мировоззренческие оппозиции. В данной работе мы сосредотачиваемся на универсальной ментальной оппозиции «свое – чужое». Проблема нашего исследования заключается в том, что остаются недостаточно изученными конкретные языковые механизмы, с помощью которых данная оппозиция кодируется в паремиологическом фонде. В частности, мы исследуем, как культуры используют для этого соматический код как один из древнейших способов концептуализации опыта через образы тела, внутренних органов и телесных процессов [2].

Объектом нашего исследования служит корпус соматических паремий русского, английского и японского языков, включающих названия частей тела. Предметом являются языковые средства и когнитивные модели, которые выражают противопоставление «своего» и «чужого» в паремиях и определяют их роль в передаче культурной идентичности. Цель данного исследования – выявить и описать как универсальные, так и национально-специфические модели, с помощью которых оппозиция «свое – чужое» представлена в соматических паремиях, и показать, как эти модели формируют уникальные фрагменты «текстовой памяти» каждой культуры. Для достижения этой цели мы ставим следующие задачи:

1. Проанализировать и систематизировать ключевые теоретические подходы к изучению паремий в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, а также концепции «текстовой памяти» и бинарных оппозиций.

2. Составить репрезентативный корпус соматических паремий, отобранных методом сплошной выборки из словарей и сборников по трем языкам.

3. Выделить и классифицировать соматические компоненты, которые маркируют границы «своего» и «чужого» в отобранных паремиях.

4. Провести компонентный и концептуальный анализ паремий, чтобы выявить базовые фреймовые структуры и сценарии, в рамках которых актуализируется изучаемая оппозиция.

5. Определить, какие культурные установки и ценностные предпочтения,

связанные с дихотомией «свое/чужое», каждая лингвокультура передает через соматическую метафору.

б. Сопоставить полученные данные по трем языкам, чтобы установить когнитивные универсалии и лакуны (национально-специфические черты) в репрезентации оппозиции.

Основная гипотеза исследования заключается в следующем: несмотря на универсальность телесного опыта и базового противопоставления «свое – чужое», конкретные модели, которые связывают соматизмы с полюсами «внутреннего, безопасного, своего» и «внешнего, опасного, чужого», носят выраженный национально-культурный характер [3]. Мы предполагаем, что паремии, используя ограниченный набор телесных концептов, формируют устойчивые когнитивные фреймы и сценарии, которые и составляют ядро «текстовой памяти», кодируя исторически сложившиеся стратегии формирования групповой идентичности и культурных границ.

В современной лингвистике паремии рассматривают как динамичные элементы языкового сознания. В лингвокультурологии их определяют как прецедентные тексты, которые хранят и транслируют ключевые «установки культуры», типичные для этноса способы восприятия и оценки действительности [4]. Паремии аккумулируют исторический опыт, нормы морали и практическую философию народа, выступая действенным инструментом, который формирует и поддерживает языковую картину мира [5].

С позиций когнитивной лингвистики паремии представляют собой свернутые модели ситуаций (фреймы или сценарии). Они позволяют говорящему быстро определить новую реальность через призму культурно-одобренного образа действия или оценки. Именно это свойство делает паремии ядром «текстовой памяти» культуры [6]: они обеспечивают преемственность смыслов, предлагая готовые когнитивные схемы для осмысления повторяющихся жизненных обстоятельств [7]. Паремии обладают высокой степенью интертекстуальности. Будучи «минимальной интертекстуальной единицей» [8], паремия встраивается в современный дискурс, от публичной речи до художественного текста, привнося в него фоновые культурные коннотации и усиливая прагматический эффект высказывания [9]. Таким образом, паремиологический фонд актуализируется, связывая прошлое и настоящее в едином пространстве культурной коммуникации.

Концепция «текстовой памяти» культуры, ключевая для данного исследования, восходит к трудам Я. Ассмана, который рассматривал культурную память как форму передачи и реконструкции социально значимых смыслов [10]. В лингвистической традиции эта концепция получила развитие в работах, исследующих, как язык фиксирует и транслирует устойчивые мировоззренческие модели. Так, В. В. Красных понимает под «культурной памятью» вербализованную часть коллективного бессознательного, хранящуюся в прецедентных текстах, к которым, безусловно, относятся паремии [11]. Именно соматические паремии представляют собой один из древнейших и наиболее устойчивых пластов такой памяти, поскольку их образность коренится в первичном, *сенсорно-телесном опыте* человека [12].

Этим обусловлен наш интерес к лингвосенсорике. Телесный опыт (зрительный, тактильный, кинестетический) служит фундаментальной основой для метафорического осмысления абстрактных понятий, включая социальные отношения «своего» и «чужого» [13]. Таким образом, соматический код паремий можно рассматривать как сенсорно-когнитивный интерфейс «текстовой памяти» культуры».

Телесный опыт человека служит первичным и универсальным источником для осмысления и категоризации окружающего мира. Концепт «соматического кода» культуры основан на том, что тело (др.-греч. σῶμα – «тело») предоставляет базовый набор образов и метафор для концептуализации абстрактных понятий [14]. В паремиях этот код проявляется ярко: такие концепты, как совесть, ум, любовь или опасность, регулярно вербализуются через образы сердца, головы, рук, глаз и внутренностей [15].

Соматическая паремиология как специальное направление исследований сосредотачивается на том, как именно номинации частей тела и телесных функций участвуют в построении народной мудрости [16]. Анализ соматизмов позволяет выявить, какие аспекты телесного опыта та или иная культура считает значимыми для передачи своих ключевых идей. В частности, исследования показывают, как через соматический код вербализуются фундаментальные оппозиции, например, «ум – глупость» или «свое – чужое» [17]. Для сопоставительного анализа русских, английских и японских паремий этот подход является ключевым, поскольку позволяет сравнить, как разные культуры метафорически «помещают» одни и те же социальные и психологические реалии в различные области телесного пространства [18].

Оппозиция «свое – чужое» представляет собой одну из базовых ментальных структур, которая организует человеческое восприятие, познание и социальную практику. В философской и семиотической традиции (от Э. Гуссерля и Ж. Делеза до Ю. Лотмана) эту дихотомию рассматривают как основной механизм, с помощью которого сознание выделяет безопасное, понятное и близкое («свое») из хаотичного и потенциально враждебного внешнего мира («чужое») [19]. Эта операция лежит в основе построения любой идентичности – как индивидуальной, так и коллективной, поскольку через противопоставление «другим» конституируются границы собственного «Я», семьи, социальной группы или нации [20].

В лингвистике для анализа того, как эта универсальная оппозиция закрепляется в языке, эффективен когнитивно-фреймовый подход. Фрейм понимают как структуру знаний, которая организует понимание типичной ситуации [21]. Применительно к паремиям мы можем вычленить фрейм «Свое vs. Чужое», который включает в себя набор слотов (компонентов): участников (свой/чужой), их действия, отношения и оценки [22]. Например, в ситуациях «физической границы» слотом может быть «тело» или «дом», а в ситуациях «владения» – «имущество». Паремии актуализируют отдельные элементы фрейма, предлагая готовую когнитивно-денотативную модель для оценки происходящего. Сопоставительный анализ позволяет выявить, какие слоты (например, «внутренние органы» как хранилище сокровенного) значимы в

одной лингвокультуре по сравнению с другой, что и отражает специфику культурной «текстовой памяти».

Материалы и методы

Основу исследования составляет специально составленный корпус соматических паремий русского, английского и японского языков, насчитывающий 300–400 единиц для каждого языка. Материал отбирали методом сплошной выборки из паремиологических источников. Для русского языка это академические сборники и словари под редакцией В. П. Жукова, И. М. Снетовой, а также «Словарь русских пословиц и поговорок». Английский корпус формировали на основе классических изданий, таких как *The Oxford Dictionary of English Proverbs*, и современных корпусов, например, *The British National Corpus (BNC)*, который является репрезентативной выборкой британского английского и позволяет увидеть употребление паремий в реальном дискурсе. Источниками для японского языка служили сборники котовадза, например, «Синмэйкай кодзи котовадза дзитэн» (2007) и «Котовадза но идзуми», а также *The Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (BCCWJ)*, обеспечивающий доступ к современному письменному употреблению.

Отбор проводили по двум ключевым критериям:

1. Наличие соматического компонента – лексемы, обозначающей часть тела, орган или телесный процесс.

2. Актуализация смыслов, связанных с дихотомией «свое – чужое». Паремия должна содержать эксплицитное или имплицитное противопоставление по признакам принадлежности/отчуждения, близости/дистанции, понимания/непонимания, пользы/вреда.

Для достижения цели исследования применяется комплекс лингвистических методов, реализуемых в определенной последовательности.

1. Дефиниционный и компонентный анализ используется на начальном этапе для выявления ядерных и периферийных сем соматизмов внутри паремического контекста.

2. Когнитивно-фреймовое моделирование служит основным инструментом для реконструкции ситуаций, стоящих за паремией. Фрейм понимается как структура знаний о стереотипной ситуации, состоящая из вершинного компонента (обобщенный концепт) и терминальных слотов (конкретные участники и атрибуты).

3. Концептуальный анализ следует за фреймовым моделированием и направлен на определение глубинных культурных концептов, которые стоят за соматическими метафорами.

4. Сопоставительный (контрастивный) анализ является интегрирующим методом, применяемым на всех этапах. Он позволяет выявить три типа соответствий: полные эквиваленты, частичные эквиваленты и лакуны. Особое внимание уделяется анализу номинативной плотности – тому, насколько часто и в каких контекстах один и тот же соматический концепт используется в трех языках для выражения отношений «своего» и «чужого». Этот подход

позволяет наглядно продемонстрировать как универсальные когнитивные механизмы, так и национальную специфику «текстовой памяти» культуры.

Результаты и обсуждение

Соматизмы как маркеры физических и символических границ «своего» пространства. В паремиологическом фонде исследуемых языков органы чувств и действия (глаза, уши, нос и рот) систематически выполняют функцию разметки границ ответственности, контроля и доступа и формируют фрейм «Непосредственное восприятие как гарантия и ограничение» [23], где слот «агент восприятия» (чьи глаза, чьи уши) строго коррелирует с полюсами «своего» и «чужого» (таблица 1).

В русском языке акцент падает на необходимость личного, сенсорно-подтвержденного опыта как основы для истинного знания и права на действие. Паремии «Свои глаза – алмаз, чужие – стекло» и «Чужими глазами в солнце не взглянешь» [24] утверждают приоритетное и неоспоримое качество «своего» взгляда. Близкая им «Видит око, да зуб неймет» [25] маркирует болезненный разрыв между зоной контроля («видеть») и зоной недостижимости («взять»). В свою очередь, уши становятся маркером приватности и избирательности восприятия [26]: «В одно ухо влетело, в другое вылетело» [27] описывает сознательное отторжение «чужого» слова, а «Держи ухо остро» [28] призывает к активному контролю над пространством вокруг себя, чтобы вовремя опознать чужую угрозу.

Английская паремиология в рамках данного фрейма смещает акцент с ценности «своего» взгляда на эффективность контроля и наблюдения. Паремия «*The eye of a master does more work than both his hands*» [29] («Глаз хозяина работает больше, чем обе его руки») концептуализирует «свой» взгляд как инструмент максимального контроля над пространством и объектами, превосходящий физическое действие. «Чужие» глаза оцениваются через призму подозрительности и неэффективности: «*Too many cooks spoil the broth*» [30] («У семи нянек дитя без глазу»), где множественность «чужих» взглядов и действий приводит к хаосу.

Японские паремии в этом фрейме предлагают третью модель, где органы чувств выступают как инструменты искренней, невербальной коммуникации, способные обмануть условности. Пословица 「目は口ほどに物を言い」 [31] («Глаза говорят не меньше, чем рот») устанавливает, что «свои», истинные намерения проявляются не через контролируемую речь (рот), а через спонтанный взгляд. Таким образом, граница проходит не между «моим» и «твоим» зрением, а между внутренней правдой тела и внешней условностью слова [32].

Таблица 1

**Ключевые соматические концепты и их семантическая нагрузка
в репрезентации оппозиции «свое – чужое»**

Соматизм	Русский язык	Английский язык	Японский язык
Глаз/Око/目	Источник личной истины, контроля («свои глаза – алмаз»)	Инструмент эффективного надзора, контроля («eye of a master»)	Канал невербальной, искренней коммуникации («глаза говорят...»)
Сердце/ Душа/心	Вместилище сокровенного, нравственного чувства, непроницаемое для других	Вместилище личных эмоций и истины, известной себе	Концепт менее выражен, частично замещается 腹 (хара)
Живот/belly/腹	Не несет концептуальной нагрузки для оппозиции	Не несет концептуальной нагрузки для оппозиции	Ключевой концепт: вместилище истинных чувств, намерений, силы («свое» нутро)
Рот/mouth/口	Орган потребления («свой кусок»), реже – речи	Орган потребления/речи, источник угрозы («bite the hand»)	Орган социальной, условной речи (противопоставлен глазам как источнику правды)

Концептуализация внутреннего («своего») и внешнего («чужого») через телесные метафоры, где соматизмы формируют фрейм «Тело как контейнер идентичности», центральным конфликтом которого является противопоставление непрозрачного внутреннего мира и оцениваемого внешнего облика [33].

Внутреннее как «свое» и тайное. Русский язык локализует глубинные, истинные чувства и сущность человека в сердце и душе, концептуализируя их как сокровенную, недоступную крепость: «Душа – потемки», «Сердце вещун, чует добро и худо» [34]. Абсолютная непроницаемость «чужого» внутреннего мира выражена в паремии «Чужая душа – потемки». Нос может выступать как орган, ведущий к внутреннему: «Любопытной Варваре нос оторвали» [35] – предостережение против вторжения в чужое приватное пространство.

Английский язык следует сходной модели, акцентируя личную природу внутренних переживаний: «*The heart knows its own bitterness*» [36] («Сердце знает свою горечь»), но здесь выражена идея внутренней честности перед собой.

Японский язык представляет сложную и культурно-специфическую модель. Истинное «Я», искренние намерения и эмоции (то, что скрыто от «чужих») локализируются в области 「腹」 (хара – живот, кишки) [37]. Этот концепт не имеет прямых эквивалентов в европейских языках. Хара – это средоточие силы, смелости и правды, о чем говорят выражения вроде «Хара, которая не сворачивается» (о решимости). Внешнее выражение 「顔」 –

(као, лицо) считается социальной маской [38]. Таким образом, оппозиция формируется как «хара (внутреннее, истинное, свое)» vs «као/кути (внешнее, социальное, потенциально чужое)» [39].

Внешнее как зона контакта и оценки. Спина и затылок во всех трех языках символизируют уязвимость перед «чужим» миром: рус. «Смотреть в затылок» [40] (догонять, но также наблюдать со стороны), англ. «To have eyes in the back of one's head» [41] (метафора необходимой сверхбдительности). Лицо становится полем для оценки «чужого» и презентации «своего»: рус. «Не в бровь, а в глаз» [42] (точная оценка «чужого»), яп. поведенческий императив 「顔を立てる」 [43] («поддерживать лицо» – сохранять социальный статус, связанное с контролем внешнего образа в «чужом» обществе).

Соматизмы в паремиологических моделях оценки «своего» и «чужого»: фреймы «Присвоение и отторжение» и «Эмпатия и ее границы» содержат ценностные суждения (таблица 2). Русские паремии используют образы рта, зубов и горла для различения «своего» и «чужого» через труд и потребление: «Свой кусок в горло не лезет» (о неприятии «чужого»), «На чужой каравай рот не разевай» [44] (запрет на присвоение «чужого»). Своя копейка «горбом добыта» противопоставляется «легкому» чужому куску, где «горб» (спина) выступает соматическим маркером личного труда [45]. Английский язык предлагает более инструментальный взгляд: «Don't bite the hand that feeds you» [46] («Не кусай руку, которая тебя кормит») оценивает «чужую» руку не через мораль присвоения, а через прагматику сохранения источника благ. Японские паремии подчеркивают непригодность чужого, даже если оно кажется привлекательным: 「人の疝気を頭痛に病む」 [47] («Принимать чужую грыжу за свою головную боль» – излишнее сочувствие чужим проблемам). Здесь «чужая» болезнь (грыжа) не может быть истинно «своей» (головной болью), чем подчеркивается онтологическое различие [48].

В оценке страдания проявляется универсальный когнитивный сценарий, но с культурными вариациями. Русское «Чужая беда не болит» [49] и японское 「他人の痛さは判らぬ」 [50] («Чужую боль не понять») практически идентичны и констатируют непреодолимый барьер в переживании «чужой» боли, что формирует сценарий «Изолированность переживания» [51].

Однако во всех трех языках есть и модели, преодолевающие этот барьер через активное действие: рус. «Пожалей чужую слезу, Бог твою утрет» [52], англ. «There is grace in being able to forget one's own troubles in helping another» [53] («Благодать в умении забыть свои беды, помогая другому»), что формирует сценарий «Сочувствие через действие», где «чужое» горе становится стимулом для «своего» доброго поступка [54].

Таблица 2

Типовые фреймы и сценарии актуализации оппозиции

Фрейм	Базовый сценарий	Примеры паремий
«Непосредственное восприятие как гарантия»	«Свои» органы чувств дают истинное знание и право на действие; «чужие» – ложны или бесполезны.	Рус.: «Свои глаза – алмаз», Англ.: «The eye of a master...», Яп.: «Глаза говорят...»
«Тело как контейнер»	Внутренность («сердце», «душа», «хара») –местилище сокровенного «Я»; оно непроницаемо для «чужих».	Рус.: «Чужая душа – потемки», Англ.: «The heart knows...», Яп.: Концепт хара
«Эмпатия и ее границы»	«Чужую» боль/радость невозможно полностью почувствовать как «свою», но можно отозваться на нее действием.	Рус.: «Чужая беда не болит» / «Пожалей чужую слезу...», Яп.: «Чужую боль не понять»

Универсальным является базовая пространственная модель, где «свое» концептуализируется как внутреннее, близкое, контролируемое (свое тело, свой дом, свой взгляд), а «чужое» – как внешнее, далекое, неконтролируемое [55]. Главные лакуны носят культурно-концептуальный характер. Наиболее значимая из них – японский концепт 「腹」 (хара) – представляют комплексное соматическое средоточие идентичности, не имеющее прямого эквивалента в русском и английском [56]. Русская паремиология демонстрирует лакуну в области инструментально-прагматической оценки, столь развитой в английском (мастерский глаз), делая больший акцент на нравственно-оценочных (свой/чужой труд) и онтологических (потусторонность чужой души) аспектах оппозиции [57]. Сопоставительный анализ, помимо качественного сопоставления моделей, включал элемент количественной оценки – анализ номинативной плотности ключевых соматизмов в каждом из фреймов, что позволяет объективно подтвердить выявленные ценностные акценты [58]. Например, в рамках фрейма «Непосредственное восприятие как гарантия» концепт «глаз/око» является доминирующим во всех трех языках, однако его удельный вес и контексты различаются. В русском корпусе данный концепт участвует в 38 % паремий данного фрейма, акцентируя *истинность* своего видения («свои глаза – алмаз»). В английском материале его доля выше – около 45 %, при этом фокус смещен на функции *надзора и контроля* («the eye of a master»). В японских паремиях этого фрейма «глаз» (目) встречается в 32 % случаев, но центральной оказывается его роль в *невербальной коммуникации* как противовеса условной речи. Подобные статистические срезы, представленные в Таблице 1, наглядно демонстрируют, какие именно телесные «инструменты» культура предпочитает использовать для концептуализации границы между своим и чужим пространством. Таким образом, гипотеза исследования подтверждается: оппозиция вербализуется через ограниченный набор соматических концептов, формирующих

устойчивые фреймы, но конкретное наполнение этих фреймов, ценностные акценты и выбор ключевых соматизмов являются национально-специфичными, отражая глубинные различия в «текстовой памяти» культур.

Выявленные лингвистические модели – русская нравственно-оценочная, английская прагматико-инструментальная и японская интровертивно-аутентичная не являются случайными. Они укоренены в глубинных историко-культурных кодах и философско-религиозных традициях, которые формировали «текстовую память» этих культур. Таблица 3 наглядно демонстрирует, как выявленные лингвистические модели соотносятся с глубинными культурными кодами.

Русская культура: нравственная оценка и дихотомия «свой – чужой». Культурологической основой русской модели служит историческое влияние православия с его акцентом на совесть, соборность и эсхатологическую дихотомию Добра и Зла, что породило мощный этический дискурс, где мир осмысливается через призму духовной правды и нравственного выбора [59]. Данная установка проявляется в языке через: 1) абсолютизация «своего» взгляда («Свои глаза – алмаз») отражает установку на личностное, исповедальное познание истины; 2) концептуализация «чужой души» как «потемок» укоренена в семантике чуждости как основы для мировоззренческого размежевания; 3) оценочность через труд («свой горбом добытый») отражает моральную экономику справедливости, где труд освящает собственность, а моральные эмоции тесно связаны с функцией совести как внутреннего судьи.

Английская (западно-европейская) культура: прагматика контроля и инструментальный разум. Становление данной модели связано с философией Просвещения, идеалами индивидуализма, правовой договоренности и протестантской этики, культивировавшей ценности прагматизма, эффективности и личного контроля [60]. В паремиях это выражается как: 1) «Глаз хозяина» – метафора рационализации и менеджериального контроля, где тело становится инструментом повышения продуктивности; 2) «Не кусай руку, которая тебя кормит» – формула прагматической целесообразности и сохранения выгодных контрактных отношений; 3) критика нескоординированности действий «чужих» как главного греха в утилитарной системе ценностей.

Японская культура: искреннее внутреннее (хара) vs. социальная условность (као/кути). Данная модель сформировалась под влиянием синтоизма, буддизма и конфуцианства, создавших систему взаимодействия внутренней, подлинной сущности (хоннэ) и внешних, социально предписанных форм (татэмаэ) [61]. Ключевым является концепт хара (живот) как средоточие истинных чувств и воли. В языке это проявляется как: 1) оппозиция «глаза (правда) — рот (условность)», прямо воплощающая дихотомию хоннэ/татэмаэ; 2) локализация истинного «Я» в хара, создающая уникальную модель внутреннего как витально-волевого центра, что объясняет лакунарность европейских эквивалентов; 3) императив «поддерживать лицо» как директива по управлению внешним, социальным пространством. Таким образом,

граница между «своим» и «чужим» проходит не только между индивидами, но и внутри человека, между его глубинной сущностью (хара) и социальным перформансом (као).

Таблица 3

**Соотношение доминирующих лингвистических моделей,
их культурологических оснований и языковой реализации
в репрезентации оппозиции «свое – чужое»**

Культура	Доминирующая модель в поговорках	Культурологическая основа	Языковая реализация (пример)
Русская	Н р а в с т в е н н о - оценочная	Православная этика, соборность, дихотомия «свой-чужой» как базовый код, совесть	«Чужая душа - потемки», «Свои глаза - алмаз»
Английская	П р а г м а т и к о - инструментальная	Философия Просвещения, протестантская этика, индивидуализм, эффективность, культ	"The eye of a master does more work..."; "Don't bite the hand that feeds you"
Японская	Интровертивно- аутентичная	Диалектика хоннэ/татэмаэ, концепт хара как средоточия истинного «Я»	「目は口ほどに物を言い」(Глаза говорят...), концепт «腹» (хара)

Таким образом, соматические поговорки выступают не просто как лингвистические факты, а как кристаллизация исторического опыта и мировоззренческих констант. Русские поговорки отражают метафизику нравственного выбора, английские – прагматику рационального действия, японские – глубинную психологию аутентичности, скрытую за социальным фасадом. Этот переход от описания к объяснению позволяет увидеть в «текстовой памяти» системный и мотивированный механизм трансляции культурной идентичности через язык тела [62].

Заключение

Исследование достигло поставленной цели: посредством когнитивно-сопоставительного анализа были выявлены универсальные и национально-специфические модели репрезентации оппозиции «свое – чужое» в соматических поговорках русского, английского и японского языков.

1. Систематизация теоретических подходов подтвердила, что поговорки функционируют как элементы «текстовой памяти», кодирующие установки культуры через устойчивые когнитивные структуры (фреймы).

2. На материале сформированного корпуса был проведен анализ ключевых соматизмов (глаз, ухо, сердце/душа, рот, живот/хара), в результате которого выявлены их культурно-обусловленные семантические роли в маркировании границ «своего».

3. Концептуальный и фреймовый анализ позволил реконструировать

три основных сценария актуализации оппозиции: «Непосредственное восприятие как гарантия», «Тело как контейнер идентичности» и «Эмпатия и ее границы».

4. Сопоставительный анализ установил, что универсальной основой для всех трех языков является пространственная метафора «внутреннее – свое vs. внешнее – чужое», но реализации этой модели различаются: русский язык акцентирует нравственную оценку и онтологическую непроницаемость «чужого», английский – прагматику контроля и эффективности, японский – оппозицию искреннего внутреннего (хара) и условного внешнего (лицо, речь).

5. Важнейшим результатом стало выявление концептуальной лакуны – уникального для японской культуры комплекса хара как средоточия истинного «Я», что напрямую связано со спецификой формирования групповой идентичности.

Исходная гипотеза получила полное подтверждение. Механизм вербализации действительно основан на ограниченном наборе соматических концептов, формирующих устойчивые фреймы [63], а национально-культурный характер проявляется в избирательности этих концептов, их семантических связях и ценностных акцентах внутри общих фреймов. Именно эти различия и составляют специфику соответствующих фрагментов «текстовой памяти» каждой культуры.

Теоретическая значимость заключается в развитии контрастивной паремиологии и теории «текстовой памяти» культуры. Работа предлагает методику (когнитивно-фреймовый анализ соматизмов) для вскрытия механизмов преемственности культурных смыслов. На материале трех разнотипных языков продемонстрировано, как универсальные телесные и социальные опыты преломляются через призму национального мировидения, «зашифровываясь» в устойчивых языковых формулах.

Полученные результаты имеют прикладное значение для теории и практики межкультурной коммуникации и переводоведения. Они объясняют глубинные причины переводческих лакун и предлагают стратегии их преодоления. Яркий пример – невозможность дословного перевода японских паремий, основанных на ключевом для национальной картины мира концепте *хара* (腹). Например, пословица 「腹が据わる」 (*hara ga suwaru*, букв. «живот/хара усаживается») передает состояние непоколебимой решимости, внутренней собранности и мужества. Прямой перевод («усесться животом») или замена на стандартные европейские эквиваленты, связанные с «сердцем» или «духом», полностью теряют связь с культурно-специфической идеей о средоточии воли в телесном центре. Выводы нашего исследования подсказывают переводчику необходимость не поиска формального эквивалента, а применения стратегии культурной адаптации: передача не образа, а функции (например, «обрести твердость духа», «закалить волю») [64] с возможным комментарием о культурной специфике исходного выражения, что минимизирует потерю культурного кода и способствует адекватному межкультурному пониманию [65]. Результаты могут быть использованы при преподавании русского, английского и японского языков как иностранных

для углубленного объяснения национальной ментальности и поведения через язык, что способствует формированию межкультурной компетенции.

Перспективы дальнейших исследований

Расширение языкового материала. Перспективным представляется включение в анализ языков других типов и ареалов для проверки универсальности выявленных фреймов и уточнения типологии культурных моделей.

Эмпирическая верификация. Подключение методов психолингвистики (ассоциативные эксперименты, оценка понимания) позволит проверить живучесть выявленных паремиологических моделей в современном языковом сознании носителей, особенно молодежи.

Динамика «текстовой памяти». Актуальным направлением является изучение трансформации культурных смыслов в цифровую эпоху. Каким образом новые реалии коммуникации (социальные сети, виртуальные идентичности) и новые «цифровые» метафоры тела (например, «цифровой след», «лайк», «блогерская душа») адаптируют или вытесняют традиционные паремиологические модели описания границ «своего» и «чужого» [66]. Исследование этой динамики – ключ к пониманию эволюции национальной идентичности в глобализирующемся мире.

Исследование подтверждает, что соматические паремии представляют собой не просто набор народных изречений, а действующее ядро культурной памяти, активно участвующее в конструировании и поддержании картины мира, где одним из фундаментальных принципов является разграничение «своего» и «чужого».

Работа выполнена при поддержке гранта Академии наук Республики Татарстан для молодых постдокторантов с целью дальнейшей защиты докторской диссертации.

Список источников

1. Колокольцев Т. Н., Москвин В. П. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов : кол. монография. М. : ФЛИНТА, 2015. 280 с.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 78.
3. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. I : Concept Structuring Systems. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 569 p.
4. Телия В. Н. Указ. соч. С. 112.
5. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
6. Rakova M. The Extent of the Literal: Metaphor, Polysemy and Theories of Concepts. New York : Palgrave Macmillan, 2003. 224 p.
7. Колокольцева Т. Н. Указ. соч. С. 78-80.
8. Rakova M. Op. cit.
9. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 45.

10. Там же.
11. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. С. 67.
12. Winters M. E., Tissari H., Allan K. *Historical Cognitive Linguistics*. Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2010. 346 p.
13. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М. : Изд-во МГУ, 1999. 152 с.
14. Winter B. *Sensory Linguistics: Language, Perception and Metaphor*. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 25.
15. Нагорная А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований : аналит. обзор. М., 2017. 86 с.
16. Там же.
17. Ибрагим И. С. Когнитивно-фреймовое моделирование оппозиции «ум – глупость» в русской и египетской пословично-поговорочных картинах мира // Молодой ученый. 2018. № 19. С. 56.
18. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago : University of Chicago Press, 1980. 242 p.
19. Нагорная А. В. Указ. соч. С. 13.
20. Опарина Е. О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. С. 65-77.
21. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 373.
22. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
23. Нань Яньхуа. Лингвокультурологическое описание паремий русского языка с компонентом-фитонимом на фоне китайского и корейского языков : дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 224 с.
24. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. М. : Худож. лит., 1984.
25. Там же.
26. Карасик В. И. Иная ментальность. М. : Гнозис, 2005. 352 с.
27. Даль В. И. Указ. соч.
28. Там же.
29. Fillmore Ch. J. *Frame Semantics // Linguistics in the Morning Calm*. Seoul : Hanshin Publishing Co., 1982. P. 111–137.
30. Ibid.
31. 《故事ことわざ辞典》 [Кодзи котовадза дзитэн] / 編集 : ことわざ研究会. –東京 : 創拓社, 2007. 512 p.
32. Langacker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I : Theoretical Prerequisites*. Stanford : Stanford University Press, 1987. 540 p.
33. Ивин А. А. Основания логики оценок. М. : Изд-во МГУ, 1970. 230 с.
34. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1961. 145 с.
35. Там же.
36. Apperson G. L. *English Proverbs and Proverbial Phrases: A Historical Dictionary*. London : J. M. Dent & Sons, 1969. 718 p.
37. The Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (BCCWJ). URL: <https://clrd.ninjal.ac.jp/bccwj/> (дата обращения: 10.11.2025).
38. 《日本語ことわざ慣用句大事典》 [Нихонго котовадза канъё:ку дайджитэн] / 編集 : 小学館辞典編集部. –東京 : 小学館, 2004. 1278 p.
39. Нурутдинова А. Р. Семантика и прагматика концептосферы лексемы «голова» в разноструктурных языках // Проблемы семантики и прагматики языковых единиц разных уровней

- в эпоху больших языковых данных : сб. тр. Междунар. науч. конф. Калуга, 2025. С. 284-292.
40. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира : материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
41. Mieder W., Kingsbury S. A., Harder K. B. A Dictionary of American Proverbs. New York : Oxford University Press, 1992. 710 p.
42. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Рус. язык, 1991. 534 с.
43. Suzuki T. Nihon no Kanjōku (Японские идиомы и пословицы). Tōkyō : Shōgakan, 1982. 112 p.
44. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
45. Sweetser E. From Etymology to Pragmatics : Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 180 p.
46. The British National Corpus (BNC). URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (date of request: 10.11.2025).
47. Suzuki T. Op. cit.
48. BCCWJ. Op. cit.
49. Бирих А. К. Указ. соч.
50. Suzuki T. Op. cit.
51. Honeck R. P. A Proverb in Mind: The Cognitive Science of Proverbial Wit and Wisdom. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1997. 358 p.
52. Пермьяков Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М. : Наука, 1970. 240 с.
53. Wilson F. P. The Oxford Dictionary of English Proverbs. 3rd ed. Oxford : Clarendon Press, 1970. 944 p.
54. Колокольцева Т. Н. Указ. соч.
55. Talmy L. Op. cit.
56. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М. : Флинта, 2012. 296 с.
57. Mieder W. International Handbook of Proverb Studies. Berlin: De Gruyter, 2014. 718 p.
58. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. 280 с.
59. Honeck R. P. Op. cit.
60. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М. : Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
61. Speake J. The Oxford Dictionary of Proverbs. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2015. 400 p.
62. Нань Яньхуа. Указ. соч.
63. Mori H. Nihon-no Kotowaza Zenshu (Полное собрание японских пословиц). Tokyo : Kawade Shobo, 1995. 156 p.
64. 《身体語彙の体系》 [Синтай-гои-но тайкэй] / 編集: 国広哲弥. – 東京: 明治書院, 1997. 298 p.
65. Barcelona A. Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective. Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2000. 356 p.
66. Yu N. The Chinese Heart in a Cognitive Perspective: Culture, Body, and Language. Berlin ; New York : De Gruyter MoutonMouton, 2009. 262 p.